

Приложение № 19

Воспоминания Сквородникова Ивана Сергеевича, арестованного в 1937 году.

В конце 30-х годов жители города Колпашево старались не задерживаясь проشمыгнуть мимо здания в конце улицы Дзержинского. Это было здание Нарымского Управления Окружного отдела НКВД. Говорили, что туда лучше не попадать. Была и милицейская тюрьма /ДПЗ г. Колпашево/ деревянная, 2-этажная с козырьками на окнах, до козырьков защита досками, находилась в районе старого, сгоревшего Педучилища. Вот ее не боялись, там уголовники были, по 58 статье, говорили там не сидели.

Среди Колпашевских обывателей в то время говорили по поводу НКВД: "кого осудили до конца навигации, тех отправляют баржами по р. Оби в г. Томск или г. Новосибирск. Тех, кого не успели отправить или кого арестовали после ледостава, тех расстреливают в Колпашево".

/интересно миропонимание Колпашевского обывателя 30-х годов о тайнах и секретах НКВД, о том, что говорилось в округе. А-р/

Так крестьянин-спецпереселенец с Алтая, учитель в п. Гришкино Чаинского района Нарымского округа Петр Александрович Мирошников был арестован органами НКВД летом 1937 года. Находился под следствием в Колпашевском /Нарымском о/о НКВД/ НКВД, заболел и был помещен работниками НКВД в больницу г. Колпашево и был там под их охраной. В больнице ему даже разрешили свидание с женой Евдокией Мирошниковой. Она ездила на свидание, которое состоялось и длилось 5 минут. Мирошников пожаловался жене, что у него туберкулез. В конце августа 1937 года баржами из Колпашево в г. Томск был отправлен этап, в котором должен был находиться Мирошников П.А., но он еще был в больнице. Ходили слухи, что навигация окончилась, этапов пока не формировали и Мирошников где-то в сентябре исчез из больницы и из г. Колпашево, видимо его расстреляли в Колпашево. /по книге "Боль людская" т. 2, стр. 261, изданная в Томске в 1992 году, сказано, что Мирошников П.А. действительно расстрелян. А./

Наверное освобождали места в НКВД под следующих репрессированных в г. Колпашево. /журналист Я.Б. Варкентин приводит примеры подобных фактов тоже. См. Варкентин Я.Б. газета "За коммунизм" № от А./ Я проживал в Гришкино Чаинского района Нарымского округа ЗСК и работал в сельхозартеле "Север" Она состояла из кулаков-переселенцев, помещенных на трудпоселение в п. Гришкино и п. Тоинка. Кулаки были высланы в Нарым в Тоинскую участковую комендатуру с разных мест ЗСК, но в основном с Алтая. Меня арестовали в июле 1937 года вместе со многими жителями п. Гришкино и близлежащих деревень. Сверху по течению р. Чай, где стоят п. Гришкино и п. Тоинский однажды пошли и

причалили к берегу малые баржи. Мой дом, который я посторил только, уже будучи как высланный кулак, и где мне и пожить-то с семьей не удалось, стоял на берегу реки, как раз, где река/ причаливали речные суда, там же и эти баржи встали. Что в них, никто не знал. Но мне зашли военные или милиционеры в форме НКВД, вроде бы как воды напиться, хотя река рядом, и напившись предложили пройти, не сказав куда. Вобщем схватили и затолкали в баржу, а она полна людей, которых раньше сцапали в деревнях, которые выше Гришкино по течению Чаи. Сидели в барже, дом напротив, а передать туда ничего не мог, не разрешали, и с родными встретиться не давали... Огорчало это, а сколько барж было не помню, забылось за давностью лет. Растерянность и отчаяние у людей было, никто ничего не понимал из тех, кто в барже. В этот раз арестовали и посадили в баржу крестьян Ефремова Тамшевича, Быстревского, Мойса, кажется и других. Все мои земляки и односельчане. Многие в "Севере" работали, как и я.

Затем баржа двигалась по рекам Чае и Оби и в нее собирали крестьян и жителей уже других поселков. Когда баржи подошли к г. Колпашево, их поставили в районе нынешней паромной переправы. Там арестованных перевели на большие речные баржи. Условия в них были страшные: вши, жара, сырость. Ночью холод от воды, духота, ничего не проветривалось. Оправлялись в бочку "Парашу". Людей было натолкано битком. Они собраны были со всего Нарымского округа. Из барж на допрос водили в Нарымский окротдел НКВД за полтора-два километра. Меня вызывали в НКВД два или три раза, точно не помню, а допрашивали 1 или 2 раза. Некоторых часто выдергивали туда, некоторых долго не вызывали, "мариновали", началась дизентерия, некоторые умирали. Их прямо за борт в Обь и скидывали. Чтоб не так холодно было, я с арестованным жителем п. Гришкино Девяниным Сергеем вместе ложился. Прижмемся к друг-другу, одним тряпьем укроемся, так и коротали ночь. Где явь, где сон, все перепуталось. Меня следователь обвинял в подготовке к восстанию.

И как-будто двух лошадей готовил к контрреволюционному восстанию в Сибири. В селе я конюхом был, нога у меня давно повреждена была, хромой я, вот в колхозе мне и поручил председатель за лошадьми ухаживать. Знал я это дело и любил. Да, действительно за двумя лошадьми ухаживал лучше: один председательский мерин, ну это и понятно, ему как лицу конскому к начальству близкому, положено было, а второй - колхозный жеребец-производитель. Его, чтобы лучше покрывал кобыл, даже молоком и сырыми яйцами поил, а оказалось лучше ухаживал, чтобы к восстанию подготовиться. Да, еще про вилы говорили, что блестят мол. Значит к восстанию точил, а вилами теми будучи конюхом, я навоз лошадиный кидал, вот они и блестяли и никто их не точил. Вот в этом и была моя контрреволюционная сущность. В НКВД во время допросов встретил

знакомого работника НКВД, который проезжая когда-то мимо Гришкина останавливался у меня на квартире, ведь мой дом стоял так, что зимой самый путь из Колпашево в наш районный центр с.Подгорное, как раз мимо проходил и летом пароходы и баржи тоже около моего дома на р. Чая приставали. Так вот этот работник НКВД сказал мне, что мол зря ты, Иван Сергеевич, запираешься, все равно отсюда не выбраться, лучше не мучай ни себя, чтобы не пытали, ни работников НКВД, чтобы они не возились с тобой. Подпиши лучше и дело с концом, может выживешь в лагере, а так расстреляют. Я и подписал то, в чем меня обвиняли. Следователь говорил, что я за это "преступление" получу только 10 лет. Больше не вызывали в НКВД, как подписал. Тех же, кто отказывался подписать-били, всячески издевались. Котова Авана Ивановича, например, крестьянина с.Гришкино из спецпереселенцев, тогда ему было что-то около 40 лет. Вот Астафурова Константина, крестьянина из с.Гришкино, тоже из спецпереселенцев, был в возрасте до 30 лет. Он отчаянный был, гордый и получал больше других. Били его чаще других. Он долго не соглашался, отказывался подписать обвинение против себя, ругался и даже пытался сдачи давать работникам НКВД. Вот они его опускали ногами вниз в уборную /туалет/ сначала до груди, затем до бороды, затем до носа, требовали подписать. Потом вытаскивали, обливали водой и продолжали допрос. Вот таким образом, в 1937г. Нарымский окротдел НКВД добивался признаний арестованных... Вызывали ли в НКВД еще других, кто подписал, я не помню. Вообще, состояние было то ли бред, то ли явь у меня, плохо помню. Сдвинуться можно было. В конце августа 1937 года из Колпашево в г.Томск отправили этап, он вроде состоял тоже из 2-х или 3-х барж. Их буксир тянул. Баржи в Томске причалили в районе грузового порта. Там заключенных разделили на 2 группы и отправили в разные места. А делили так, выкликнут фамилию и из общего строя говорят в какую группу встать. Кому просто срок зачитают- их в одну, кому срок "без права переписки" - в другую. Мне дали 10 лет ИТЛ, я попал в одну группу, а Девянина С.С.-10 лет "без права переписки", его в другую группу. Больше Девянина не видел и не слышал о нем ничего. А может это в Колпашево было. А в баржах люди были набиты, как селедки, кормили паршиво, надобности справляли в "парашу", а на корме стоял деревянный туалет, но туда редко пускали. Вообще, шивота была сильная, это, когда в Томск везли. Меня направили на дальний Восток, работал в лагерях "дальстроя", в основном на стройках. Потом попал под Читку в инвалидный лагерь. Ведь у меня нога больная, еще до ареста. Там тоже стройка, упал с лесов, сломал ребра меня активировали. Отсидел 8 лет, вместо 10 отмерянных. Вот так, глаз кривой, нога больная, ребра сломаны. Когда отпустили, давал подписку о неразг-

лашении чего видел, чего знал и что со мной было за эти 8 лет. Воялся очень, да и теперь боюсь. Страх на всю жизнь. Вернувшись в Гришкино, долго там не жил, менял места жительства, жил в Томске, Колпашево, опять в Гришкино. Никому не желаю видеть и пережить, что пережил сам. А когда еще под следствием в НКВД в 1937 г. был, то среди арестованных коцями упорные слухи, что баржи с осужденными отводят недалеко от г. Колпашево и вместе с людьми отправляют на дно р. Обь. Топят. Я в этом уверен твердо. Так и стоят запертые на дне реки. Судя по тому, как с нами обращались, это запросто могло быть.

Когда из тюрьмы пришел, старался забыть все, что со мной было, никому почти ничего не рассказывал, даже женам и детям тех, кто со мной в этих баржах был. Из-за страха, что опять заберут и убьют там. Что было с другими жителями-односельчанами, которые со мной были - не помню, какая их судьба - не знаю, давно это было.

Со слов Сквородникова И.С. записал

Девянин А.С. 1974г.

с. Гришкино

Чаинского р-на

Томской области